

войне // Правда. 1942. № 212. 31 июля; Михайлов Г. Восточный и Западный фронты в Первой мировой войне // Военная мысль. 1942. № 11–12. С. 97–105; Павлов И. Роль русской армии в разгроме Германии в Первой мировой войне // Спутник агитатора. 1942. № 18. С. 14–18; Савин М. Роль русского фронта в 1-й мировой войне: Стенограмма публичной лекции. М., 1944.

Критика русского зарубежья 1920–1930-х годов о рецепции Первой мировой войны в европейской литературе: милитаризм vs пацифизм

Первая мировая война как эпохальное историческое событие привлекла самое пристальное внимание со стороны европейских писателей, ее современников и участников. При этом во всем многообразии европейской военной литературы 1910–1930-х гг. можно заметить два антагонистичных друг другу идеологических направления: милитаристское и пацифистское. В критике русского зарубежья 1920–1930-х гг., посвященной военной европейской литературе, указанная особенность в рецептировании Первой мировой войны была подвергнута всестороннему осмыслению. Таким образом, изучение военной критики русского зарубежья предоставляет исследователю возможность для предельно объективного и полного наблюдения за актуальными для поствоенного времени литературными фактами, многие из которых к тому же мало известны современному читателю.

Самый репрезентативный, по общему мнению, для русского зарубежья 1920–1930-х гг. и единственный «толстый» журнал «Современные записки» уделял теме Первой мировой войны весьма заметное место. На его страницах были опубликованы такие известные в русской военной литературе романы, как «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Николай Переслегин» Ф.А. Степуна, «Солдаты» И.С. Шмелева, мемуары А.Л. Толстой, А.Ф. Керенского, исторические и публицистические статьи Б. Шацкого, Ф.А. Степуна, Г.В. Адамовича, М.А. Алданова, П.М. Бицилли и т. д. В этой связи не является исключением и литературно-критический отдел журнала, в котором рецензировались наиболее заметные в европейской военной литературе книги. Мы имеем в виду прежде всего статьи М.О. Цетлина «Анри Барбюс» (1920), М.Л. Слонима «Поэт

человечности (Жорж Дюгамель)» (1921), А. Левинсона «Сюарес» (1921), Ф.А. Степуна «Германия» (1930), а также рецензию Б. Шлецера на книгу Ромена Роллана «Клерамбо. История одной свободной совести во время войны» (1921). В нашей работе мы намереваемся рассмотреть данные статьи как единый текст с учетом имеющей для этого текста конструктивное значение идейной направленности – милитаристской либо пацифистской – рецептируемого в нем того или иного художественного произведения.

Судя по перечню рассматриваемых в нашей работе статей, тематически их можно разделить на две группы, в соответствии с обозреваемым в них материалом: вокруг французской военной прозы 1910-х гг. (А. Барбюс, Ж. Дюамель, Р. Роллан, А. Сюарес); вокруг немецкой военной прозы 1920-х гг. и в особенности вокруг романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Рассмотрим основные мотивы литературно-критических статей в каждой из отмеченных нами групп с учетом их идейной направленности, оговоренной в задаче работы.

В поле зрения критики начала 1920-х гг. оказались прежде всего произведения писателей, известных своими пацифистскими взглядами: А. Барбюс, Ж. Дюамель, Р. Роллан. Из этого ряда выделяется А. Сюарес, написавший, судя по рецензии А. Левинсона, милитаристские «Комментарии о войне с бошами».

Непосредственным поводом для создания очерка «Анри Барбюс» послужила для М.О. Цетлина публикация романа писателя «Ясность» (1918), который был задуман как продолжение знаменитого романа «Огонь» (1916). Большую часть статьи критик посвящает разбору последнего из упомянутых текстов. Генезис военного творчества А. Барбюса Цетлин обнаруживает в натурализме романа Э. Золя «Разгром» (1892), посвященного событиям Франко-прусской войны 1870–1871 гг. По наблюдению критика, и у Золя, и у Барбюса отдельные солдаты не живут «индивидуальной жизнью», «они сливаются в одно целое...»¹. Особенностью стиля Барбюса, как замечает Цетлин, является активное использование солдатского жаргона, призванного придать правдоподобие выводимым на сцену персонажам. Однако, с его точки зрения, этот прием эффективен лишь «для неразвитого вкуса»². Как Золя, так

и Барбюсу, по мнению Цетлина, в конечном итоге не удалось достичь искомой цели – рассказать правду о войне, поскольку и тот и другой писатель не чуждаются «сентиментальных трюков и эффектов»³, придающих условность их изображению (переживания французского солдата, который увидел свою жену, непринужденно улыбающуюся в обществе немцев; другой солдат обнимает разложившийся труп некогда любимой им женщины). Тем не менее, по выражению Цетлина, «книга (Барбюса. – В.Ч.) была “обречена” славе»: «...когда одна и та же книга соединила в себе и не лишнюю силы и размаха картину войны и морально политическое ее отрицание, эта книга должна была вызвать сенсацию, восторг меньшинства, возмущение большинства»⁴. Хотя критик подчеркивает, что успех романа Барбюса «Огонь» был обусловлен главным образом вызванной им «политической сенсацией»⁵, в целом он признает этот успех вполне заслуженным. Во всяком случае, ярко выраженная антивоенная тенденция романа трактуется им как сама собой разумеющаяся и решающая слагаемая его славы во Франции второй половины 1910-х гг.

Подобно Цетлину, Б. Шлецер использует критический прием умаления (либо отрицания) художественных достоинств рецептируемого произведения (в данном случае – романа Р. Роллана «Клерамбо. История одной свободной совести во время войны» (1920)) ради акцентирования значимости его идейного содержания. По словам Шлецера: «В этом именно ценность произведения и объяснение того сильного и длительного “всколыхания” души, которое оно вызывает: вся беллетристика здесь немногого стоит, персонажи условны; но мысли Клерамбо, его тоска, его чаяния захватывают, как всегда захватывали своей искренностью, живущим в них порывом к свободе все писания Ромена Роллана»⁶. В рецензии Шлецера в основном раскрываются установки пацифистской философии Роллана, поскольку они выражены в «Клерамбо». В этой связи целесообразно рассмотреть данную статью подробнее.

По определению Шлецера, главной темой книги Роллана является «борьба свободной личности, чующей высшую правду, против “стадной души” коллектива, против государства, организованного насилия»⁷. Как подчеркивает критик, исповедуемый

Ролланом индивидуализм не имеет ничего общего с ницшеанской теорией сверхчеловека, для которого «коллектив – только материал»⁸. Напротив, роллановский индивидуалист как носитель высших этических ценностей является наиболее ярким выразителем идеи общественного служения. В этой связи критик цитирует высказывание одного из персонажей романа французского писателя по имени Фроман: «Тот факт, что человек был Христом, экзальтировал, возвысил над землею века человеческие и влил в них божественные энергии... Так понятый идеал индивидуалистический более плодотворен для общества, чем идеал коммунистический»⁹.

Следующий тезис пацифистского учения Роллана, на котором Шлецер акцентирует внимание читателя, – это принципиальное отрицание всякого насилия, включая войну против войны, войну ради мира. Имеется в виду большевистская идея конечной справедливости пролетарской революции. По мнению протагониста романа Клерамбо, в передаче Шлецера, на самом деле революция как насилие ничем не отличается от войны и составляет вместе с ней порочный круг: «... с Севера идет новый идол – диктатура пролетариата... Последнее насилие, которое убьет насилие... все та же бесконечная война»¹⁰. Выход из порочного круга Роллан видит, как замечает критик, в образовании «гуманистического союза», «интернационала» интеллектуалов, основанного «на культуре истины и вселенской жизни»¹¹. Нужно сказать, что последнюю идею Роллана Шлецер оценил довольно скептически, обратив внимание на ее иллюзорный, декларативный характер: ее носителю в романе, последовательному пацифисту Клерамбо не грозит действительная военная служба в связи с возрастными ограничениями. «... Клерамбо ограничивается лирическими статьями в журналах, – пишет в концовке рецензии Шлецер. – А если бы “свободной совести” пришлось идти в траншеи? Как поступить ей? Не оказался бы Клерамбо перед неразрешимой нравственной антиномией?»¹².

М.Л. Слоним рассматривает не отдельные произведения Ж. Дюамеля, посвященные Первой мировой войне, а его пацифистский текст 1910-х гг. в целом. В состав этого текста входят сборники рассказов «Жизнь мучеников» (1917), «Цивилизация» (1918), а также книги публицистического характера «Обладание

миром» (1919) и «Разговоры в суматохе» (1920). «Жизнь мучеников» критик считает лучшей книгой Дюамеля. Ему импонирует в ней как хроникальная манера изложения, заключающаяся в предельно объективном показе страданий раненых с точки зрения врача, которая в принципе исключает какие-либо философско-социальные рассуждения à la Барбюс, так и самое пристальное внимание автора к вечной дихотомии плоти и духа, ярко проявляемой в судьбах его персонажей, находящихся на пороге между жизнью и смертью. Основной пафос антивоенной прозы Дюамеля, по Слониму, – моральная оценка современной европейской цивилизации, логическим порождением которой явилась мировая война. Страдания и беды невинных «мучеников» проистекают из конечной лжи этой цивилизации, ее полной духовной несостоятельности. Спасение человечества, по Дюамелю в переложении Слонима, заключается в обращении к вечным заветам любви и милосердия к своим ближним. Однако, как подчеркивает критик, французский писатель имеет в виду не христианские, а общегуманистические ценности. «Она (“религия” Дюамеля. – В.Ч.) не связана с идеей Бога или судьбы, – пишет Слоним. – Она покоится лишь на любви к душе человеческой»¹³. Генезис пацифистской философии Дюамеля, по Слониму, восходит к стоицизму с его пафосом внутреннего подвига во имя сохранения личности и, в конечном итоге, во имя блага общества.

Военным произведениям А. Сюареса А. Левинсон посвящает всего одну главку своего эссе, в котором дается характеристика творчества французского писателя в целом. Сюарес как блестящий стилист, знаток и ценитель творчества Шекспира, Сервантеса, Достоевского, Ибсена вызывает безусловное восхищение со стороны критика. Однако шовинистические настроения Сюареса трактуются им в психоаналитическом коде. Ср.: «Военное возбуждение захватило французского мастера, словно болезнь»; «Под наваждением германской угрозы писатель изящный и возвышенный, “кондотьер красоты”, вопиет к небу, объятый пророческим – и припадочным – пафосом...» и т. д.¹⁴ Как наиболее яркий образец военного творчества Сюареса, балансирующего «на грани безумия»¹⁵, Левинсон выделяет его обращение к Ницше как к сим-

волу германской расы из заключительной части «Комментариев о войне с бошами»: «Крот Бошия есть зверь из бездны. На лице его – пишу его имя <...> А ты, пес Ницше, ты настоящий пастух кро-та... Ты кусаешь его, но он любит твой зуб. Ты взял для него эмаль во Франции, но грубая кость его происходит из твердой немецкой челюсти... Ах ты, пес Ницше, ты проповедуешь прожорливость зверю и стиль – лаю... Антихрист стал христом зверя. Ах, пес! Ты умер, питаемый с ложечки больничной сиделкой, хрюкая в углу, как паршивый зверь, и, наверное, тебя задушили среди твоих извержений. Да будет так со всей расой. Такова война!»¹⁶

Следующий всплеск интереса к рецепции Первой мировой войны в европейской литературе наблюдается в критике русско-го зарубежья на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с выходом в свет знаменитого романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1929). В «Современных записках» эту книгу в контексте германской военной литературы 1920-х годов охарактеризовал Ф.А. Степун в статье «Германия» (1930). Следует сказать, что при интерпретации того или иного немецкого художественного произведения, посвященного Первой мировой войне, критик опирался на собственный фронтовой опыт, что безусловно придает его выводам и наблюдениям авторитетность и дополнительную познавательную ценность. Кроме того, на взглядах Степуна по поводу идейной направленности рассматриваемых им произведений в значительной мере сказались его религиозные убеждения.

Степун разделил всю современную ему немецкую военную литературу на две большие группы по тематическому признаку: «... одни говорят исключительно о войне, непосредственно о войне: об окопах, битвах, ранениях, увечьях, смертях. Другие же обо всем: о Боге, о совести, о природе, о любви, о родине, о врагах, но, конечно, тоже и о войне как о главном содержании и внезапном обострении всех жизненных вопросов»¹⁷. Для рассмотрения критик выбрал книги из второй группы, мотивируя свой выбор их большей правдивостью и духовной свободой. Из данной группы он выделил для анализа четыре объединенных им попарно романа, наиболее читаемых, с одной стороны, «активистами», т. е. милитаристски настроенными слоями немецкого населения, с другой

– пацифистами. К числу милитаристских текстов Степун отнес роман Франца Зельдте «Пулеметная команда» (1929) и Эрнста Юнгера «В стальных грозах» (1920), к числу пацифистских – романы Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и Людвиг Ренна «Война» (1928).

Текст Зельдте ценен для критика не своими, с его точки зрения, весьма невысокими художественными достоинствами, а психологической и социологической характерностью как для революционной, так и для дореволюционной Германии с ее «шовинистическим хмелем»¹⁸. «Стыдным отрезвлением» от этого хмеля Степун объясняет исключительный успех среди немцев другого произведения военной литературы – ремарковского «На Западном фронте без перемен». Критик даже сопоставляет успех этого романа с популярностью так называемой политики примирения Густава Штреземана, тем самым подчеркивая паралитературные – социальные и политические – факторы как определяющие для рецептирования текста Ремарка в немецком обществе рубежа 1920–1930-х гг. «Это был, если так можно выразиться, – пишет Степун, – успех плача. Ремарк сыграл роль протагониста, некоего всенародно скорбного хора. Читая Ремарка, политически еще аморфная (ненавидящая, напр., Барбюса) новая Германия хоронила свое прошлое, отпевала своих покойников, зарекалась от повторения войн, отмежевывалась от опозоривших себя (бегством Вильгельма) Гогенцоллернов, левела психологически, но бессознательно, конечно, и политически»¹⁹.

Тем не менее, по наблюдению критика, далеко не все немцы приняли «На Западном фронте...». К этой категории читателей он отнес, во-первых, политических врагов режима, т. е. коммунистов и фашистов, во-вторых, «религиозные натуры» и ценителей и знатоков литературы как вида искусства. С точки зрения Степуна, субъективная односторонность Ремарка в изображении ужасов войны обусловлена его атеистическими установками. «У Ремарка даны лишь непереносимые ужасы, но ведь война давала и силы их перенести, – утверждает Степун. – В батальных картинах Ремарка нарисован только земной ад. Война же раскрывала над этим адом и некую метафизическую твердь. <...> Необъективность данного

им образа войны <...> заключается в отсутствии в его книге религиозного взгляда на войну»²⁰.

Духовную глубину в изображении войны Степун находит в романе Эрнста Юнгера «В стальных грозах». Однако, с точки зрения критика, писатель при этом допустил подмену веры в Христа «неким религиозным патриотизмом»²¹, утвердив родину «в достоинстве Бога»²², фактически отверг Его. В идейной направленности романа Юнгера Степун усмотрел влияние распространенных «в некоторых национал-протестантских кругах убеждения, что христианство могло бы стать в Германии живою творческою силою, если бы Христос воплотился не в еврея Иисуса, а в чистого арийца»²³. «Соблазн голубоглазого Христа», внушаемый книгой Юнгера, приводит русского критика в содрогание своими «страшными религиозными и политическими последствиями»²⁴, так что он в конечном счете оценивает более высоко атеистический военный дискурс Ремарка как наиболее уместный для духовного безвременья рубежа 1920–1930-х гг.

По мнению Степуна, наиболее объективное изображение Первой мировой войны удалось Людвигу Ренну в романе «Война», поскольку тот показал правдиво и точно не только ужасы войны, но и отчетливо прорисовал всем строем своей книги надежду на жизнь, коренящуюся в душе участников боевых действий. «Через всю книгу Ренна еле заметным лейтмотивом проходит фраза: “Мне вдруг стало легко на душе”, – пишет Степун. – Откуда эта легкость, Ренн не объясняет, но и без объяснения причин ясно: потому, что отчаянию и мраку есть предел. Если бы его не было, то все лишили бы себя жизни. Но вот не лишают, а дышат каким-то воздухом, воюют и даже чувствуют себя время от времени свободными и веселыми»²⁵.

Таким образом, рассмотрение идейного уровня романа Ремарка играет в статье Степуна конструктивную роль: именно в сопоставлении с пацифистской идеологией автора «На Западном фронте...» на самом широком социологическом и политическом фоне выясняются различные взгляды на войну в немецкой литературе 1920-х гг. Тем самым критик подчеркивает значение романа Ремарка как «документа эпохи» для понимания духовного уровня

в поствоенном немецком обществе 1920-х гг. Выводы и наблюдения критика при этом звучат довольно неутешительно, однако нельзя не заметить их во многом пророчесственной глубины: в статье Степуна на литературном поле столкнулись силы, определившие движение Германии к катастрофической развязке следующей мировой войны. Увы, в истории страны пацифистская идеология уступила место крайнему милитаризму. Сам Ремарк, как известно, вынужден был эмигрировать и до конца своей долгой жизни так и не стал гражданином ФРГ. Худшие предчувствия русского рецензента юнгеровских «стальных гроз» оправдались...

Таким образом, критика «Современных записок» с большим сочувствием восприняла пацифистские идеи в современной им военной европейской литературе 1910–1930-х гг. Наоборот, милитаристский пафос произведений Сюареса, Зельдте, Юнгера был подвергнут последовательному развенчиванию. Такое единодушие можно, конечно, объяснить либеральной политикой журнала, предоставлявшего свои страницы авторам самых различных политических взглядов, исключая радикалов левого и крайнего толка, то есть как раз-таки потенциальных милитаристов. Однако разброс идейно-эстетических установок критиков «Современных записок», военные статьи которых были рассмотрены нами выше, также достаточно широк, чтобы их можно было свести к единому знаменателю. На наш взгляд, в данном случае следует говорить о некоем универсализме пацифистской идеологии, объединяющей под своим знаменем всех людей доброй воли, в первоначальном, евангельском, значении этого выражения («Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»), согласно которому эти люди соотносятся с борцами за мир. В свете пацифизма в конечном итоге стираются различия между эсерами М.О. Цетлиным и М.Л. Слонимом, с одной стороны, и религиозным философом Ф.А. Степуном – с другой. Их выводы и наблюдения, в свою очередь, вписываются в самый широкий контекст мировой пацифистской мысли, составляя ее золотой фонд.

¹ Цетлин М.О. Анри Барбюс // Современные записки. 1920. № 1. С. 242.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же.

⁶ Шлецер Б. [Рец.:] Ромен Роллан. Клерамбо. История одной свободной совести во время войны (Париж. Оллендорф, 1920 г.) [Rolland R. Clérambault: histoire d'une conscience libre pendant la guerre. Paris: Ollendorff, 1920] // Современные записки. 1921. № 3. С. 258.

⁷ Там же. С. 259.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Слоним М.Л. Поэт человечности (Жорж Дюгамель) // Современные записки. 1921. № 3. С. 228.

¹⁴ Левинсон А. Сюарес. // Современные записки. 1921. № 7. С. 359.

¹⁵ Там же. С. 360.

¹⁶ Цит. по: Левинсон А. Указ. соч. С. 360.

¹⁷ Степун Ф.А. Германия // Современные записки. 1930. № 42. С. 414.

¹⁸ Там же. С. 418.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 422.

²¹ Там же. С. 424.

²² Там же. С. 425.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 426.

Русская классика и восприятие Первой мировой войны в литературной среде России 1914 г.

На материале журнала «Русская мысль» и других изданий

Начавшаяся война с первых же дней была воспринята на страницах «Русской мысли» как заря «новой эпохи всемирной истории»¹, «великая европейская» (П. Струве)² и даже «мировая» (Григорий Рачинский)³, «новая историческая грань, завершающая целую мировую эпоху» (С. Булгаков)⁴. Неудивительно, что столь масштабное событие осмыслялось современниками в исторической ретроспективе – путем обращения к предшествующим войнам XIX столетия: Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1853–1855 гг., Франко-прусской войне 1870–1871 гг., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. «Произошла историческая катастрофа», «в этом огромном крушении есть только один способ ясного видения вперед, это – обращение назад, к прошлому, ясное понимание того, что осталось за нами...»⁵. Материалы «Русской мысли» второй половины 1914 г. наполнены обращениями к названным историческим фактам, которые в том или ином аспекте трактовались как прецеденты нынешнего. (Интересно, что при этом нет ни одной отсылки к недавней Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая, по-видимому, воспринималась как выпадающая из приведенного ряда.)

Так, например, Г. Вернадский прямо сопоставил войны 1812 и 1914 гг. как сходные для русских людей «испытания», требующие самопожертвования и мужественной готовности к смерти ради «Божьего дела»⁶. О Крымской войне как «мировой» войне XIX в. писал П. Струве⁷; как к «священной», подобно нынешней, к ней обращался Л. Козловский⁸. Осмысляя перемены во взаимоотношениях России и Германии за последние полвека, М.О. Гершензон в статье «1870 и 1914» провел параллель с Франко-прусской войной: